

УДК 32.001
ББК 66
К 126

КАВКАЗ. Ежегодник КИСМИ. – Ер.: Кавказский институт СМИ, 2007. – 195 с.
Третий выпуск Ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2005 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Германии, Израиля, Армении, Грузии и России на ежегодной конференции КИСМИ в апреле 2006 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь политическим, аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2005 г. В приложении имеется хронология, статистические данные об экономической ситуации и военно-политическом балансе сил в регионе, библиография книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Редактор **А. Искандарян**
Редколлегия и справочные материалы: **Н. Искандарян, С. Минасян**
Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am
Географические карты и верстка: студия «*Коллаж*» / www.collage.am

The Caucasus. CMI Yearbook. – Yerevan, Caucasus Media Institute, 2007. – 195 p.
The third CMI Yearbook sums up year 2005 in the Caucasus based on talks given by scholars from Armenia, Germany, Georgia, Russia and Israel at the Yearly CMI conference April 2006. The bulk of the volume are analytical papers on a number of issues, primarily in the area of politics, of the Southern and Northern Caucasus in 2005. Appendices contain brief chronology, economic and military balance statistics, lists of books about the Caucasus, maps and web links.

Editor **A. Iskandaryan**
Editing and reference material by **N. Iskandaryan and S. Minasyan**
Cover design by *Matit* / www.matit.am
Maps and text layout by *Collage* / www.collage.am

ISBN 978-99941-2-064-2

ББК 66
© КИСМИ, 2007 г.
© 2007 by Caucasus Media Institute

СОДЕРЖАНИЕ

5..... **От редактора**

Статьи

- 6..... **А. Искандарян** Армения в 2005 г.: конец постреволюционной эпохи
- 13..... **А. Крылов** Азербайджан: место в мире и некоторые тенденции развития
- 27..... **Л. Бакрадзе** Грузия, 2005 год: автобаном в будущее
- 36..... **Д. Петросян** Непризнанные государства Южного Кавказа: в круговороте внешних вызовов
- 59..... **Т. Саркисян** Экономическая динамика стран Южного Кавказа в 2005 г.
- 73..... **А. Цуциев** «Сигнальные» политические события в 2005 г. на Северном Кавказе
- 89..... **А. Цыганок** Динамика отношений России к кавказскому региону в 2005 г.
- 115..... **В. Кауфман** Европейский Союз и страны Южного Кавказа - как далеко до «нового соседства»?
- 121..... **А. Цинкер** Южный Кавказ и Ближний Восток – проблемы и поиски сближения

Приложения

- 131..... Основные экономические тенденции развития стран Южного Кавказа в 2005 г.
- 134..... Военно-политический баланс на Южном Кавказе в 2005 г.
- 143..... Кавказ 2005г.: краткая хронология
- 151..... Книги о Кавказе по общественно-политическим наукам, вышедшие в 2005 г.
- 167..... Некоторые интернет-ресурсы о Кавказе
- 175..... Географические карты
- 177..... 1.Кавказ. Вид из космоса

Александр Исхандарян

.....

АРМЕНИЯ В 2005 Г.: КОНЕЦ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

Формально 2005 г. для Армении был годом довольно спокойным. По крайней мере, никаких резких, существенных, видимых извне потрясений в политической сфере не было. Армения не оказывалась в сфере внимания мировых СМИ, которых в малых странах привлекают именно потрясения. Не было революций, явных обострений социальных проблем, продолжался штиль в области урегулирования карабахского конфликта. Казалось бы, стоит радоваться, ибо это факт, несомненно, положительный. Однако отсутствие внешнего дискурса и отсутствие политической жизни – разные вещи. Очевидно, что сама эта «тишина» не случайна, а является симптомом и результатом некой политической логики и следствием политико-экономической ситуации. Более того, кажется, что наиболее интересные события в республике происходили именно в политической сфере, хотя преуменьшать значение экономики не следует: экономические циклы более «длинные», существенные сдвиги в экономической сфере просто невозможны за один год, если нет форс-мажорных обстоятельств, а форс-мажорных обстоятельств в 2005 г. очевидно не наблюдалось.

Обычно при такого рода кратких обзорах политика делится на внутреннюю и внешнюю, но у Армении есть еще один аспект политики, который называется «карабахский конфликт» и является третьей существенной компонентой политических событий каждого года. Однако как раз этот компонент наиболее статичен и описывается легче всего.

Карабах

Что происходило в Армении вокруг проблемы Карабаха? То же самое, что происходило в 2003, 2004 и будет в 2006, 2007 или 2008-м. То есть ничего. Если говорить формально, то имели место встречи: встречи президентов Армении и Азербайджана в Казани на саммите СНГ, встречи министров иностранных дел. На первой встрече в апреле в Лондоне министры договорились о встрече в июне в Париже, в Париже они договорились о встрече в Рамбуйе, которая уже выходит за рамки 2005 г., но и она тоже стала «встречей о встрече» и министры там договорились о встрече в Вашингтоне. Ситуация эта стала уже привычной, так как длится примерно с 1996 г. с единственным «сбоем» в 2001 г. Она вполне стабильна - именно это и является причиной сильного сопротивления, которым регион встречает любые иницилируемые извне попытки резкого ее

изменения, то есть урегулирования конфликта. Та степень уступок, которая необходима для реального компромисса, создала бы такое напряжение в политических системах трех стран – двух признанных и одной непризнанной – что вероятность «обрушения» этих систем приблизилась бы к ста процентам. При огромных рисках для политических систем и практически полном отсутствии реальных стимулов для них же, сопротивление перевешивает давление извне и превращает переговорный процесс в имитацию. Это касается в равной степени и Армении, и Азербайджана, риск затягивания переговоров принципиально меньше риска резких изменений, могущих разрушить стабильность режимов. Существующий некий довольно сложный военно-политический, внутренний и внешний баланс сил, интересов и лоббирований не предполагает каких-либо серьезных изменений в этой проблеме. «Интерес страны в целом» превращается в некую абстракцию для политических элит, собственно и являющихся центром принятия решений. А в случае Армении, элита и воспринимает свой интерес как отражающий также и интерес народа.

Впрочем, в долгосрочном плане замораживание чревато опасностями и к тому же сдерживает развитие всего региона. Понимание этого факта имеется в мировом политическом и экспертном сообществе. В 2005 г. были опубликованы два доклада неправительственной организации International Crisis Group¹, в которых обстоятельно описывалась ситуация и предлагались варианты и модели урегулирования. Доклады имели свои достоинства и недостатки, обсуждение которых лежит за рамками данной статьи, но интерес к этим докладам и их бурное обсуждение в Армении заслуживает внимания. Видимо, причиной обостренного внимания армянского истеблишмента (впрочем, не менее бурную реакцию доклады вызвали и в Азербайджане) было то, что в них явственным образом кристаллизовалась та идея, которая, уже в 2004 г. начинала озвучиваться представителями неправительственных, полуправительственных и академических организаций, а также бывшими правительственными чиновниками разных государств. Речь идет об идее референдума как инструмента решения карабахской проблемы.

В практической политической плоскости референдум очевидно невозможен, по крайней мере, в ближайшие годы, но само то, что слово это перестает быть табу в устах внешних наблюдателей, есть существенный факт, по крайней мере, на фоне безысходности процесса урегулирования. В политической сфере слово «референдум» означает заявку на учет интересов собственно Нагорного Карабаха (очевидно, что предполагается проводить референдум как минимум и на его территории), что довольно революционно для переговорного процесса, длящегося более десяти лет. Способом решить конфликт референдум явиться не может, ибо по тому, каким образом, на какой

¹ Nagorno-Karabakh: Viewing the Conflict from the Ground // Europe Report, № 166. International Crisis Group, Tbilisi/Brussels, 14 September 2005; Nagorno-Karabakh: A Plan for Peace // Europe Report, № 167. International Crisis Group, Tbilisi/Brussels, 11 October 2005.

территории и с какими вопросами он пройдет, будет заранее очевиден его результат. Но способом оформления политического решения он стать может. Собственно говоря, единственным, кроме войны, о чем и было сказано в докладе International Crisis Group. Видимо, это и явилось причиной довольно громкой дискуссии – единственного за год по-настоящему серьезного события в рамках карабахского урегулирования (но не в рамках собственно карабахского конфликта). Остальные события в этой сфере – от встреч с итоговыми договоренностями о встречах, до бряцаний оружием и угроз реванша – статичны, традиционны и поэтому неинтересны.

Внутренняя политика

Внутренняя политика в Армении в 2005 г. воспринимается как некая кристаллизация тенденций, существовавших ранее. Если подходить формально, обращать внимание на наблюдаемые события, то самым значительным событием в Армении в этом году, несомненно, был референдум об изменении Конституции, проведенный 27 ноября 2005 г. Что он собой представлял и как воспринимался в элитах и обществе? Референдум был реакцией на реальный или воображаемый «запрос» извне, разыгранной властями в виде своеобразного суррогата «розовой революции». Армения должна была дать Западу знак о готовности к демократическим изменениям. Само по себе наличие среди армянских элит представлений о «соответствии» неким нормам уже достаточно симптоматично. Даже если внешний «запрос» был надуманным, важно, что это так воспринималось в Армении и элитами, и обществом: от нас требуют референдума и мы должны его провести, чтобы доказать свою демократичность. Естественно, в таких условиях никакой выстраданной обществом борьбы за демократизацию Конституции не было. Не было даже и серьезной политической борьбы вокруг проекта, разве что он воспринимался как очередной повод для внутривнутриполитической игры, ни малейшего отношения собственно к Конституции не имевший.

Как и в случае «розовой революции», каким именно образом будет проведен этот референдум, было не очень интересно «заказчику». В результате страна выполнила «задание по демократизации» способом, увы, к демократизации не имевшим ни малейшего отношения.

По итоговому заявлению ЦИК Армении на 1966 избирательных участках страны проголосовали 1 513 541 человек или 65,3% от общего числа избирателей. За внесение изменений в Конституцию проголосовали 1 411 791 человек, или 93,3% участников, против - 82 159 человек, или 5,4%. В заявлении миссии ПАСЕ, осуществлявшей наблюдение за ходом референдума, сказано буквально следующее: «объявленная ЦИК цифра участников референдума не соответствует действительности». Впрочем, далее в заявлении говорится: «не

вызывает сомнения, что за внесение изменений в Конституцию проголосовало необходимое количество избирателей – не менее 782 тысяч человек».

Естественно, официальные данные были оспорены оппозицией. Практически сразу после публикации предварительных результатов референдума начались митинги протеста объединенной оппозиции. По данным полиции в митингах принимало участие порядка 2 тыс. человек, по данным самих организаторов – 10 тыс. Собственно непризнание оппозицией результатов любых голосований, которые она проигрывает – это часть политической традиции в Армении. Однако даже если в митингах и в самом деле приняли участие десять тысяч человек, этого было абсолютно недостаточно для заявленной цели – свержения действующих властей. Митинги отражали общее недовольство оппозиционно настроенного электората, тем более что, судя по всему, в референдуме действительно приняло участие меньше участников, чем было заявлено. Общественно-информационный центр объединенной оппозиции опубликовал собственные данные о явке и голосовании избирателей. В соответствии с ними 84,7% избирателей бойкотировали референдум, а за внесение поправок в Конституцию высказались всего 15,3% избирателей.

На самом деле не существует ни достоверных цифр, ни заслуживающих доверия социологических данных о количестве голосовавших – все имеющиеся вызывают подозрения в той или иной политической мотивировке. Мы, вероятно, никогда не узнаем, какое количество людей на самом деле приняло участие в референдуме, во всяком случае, их, видимо, было принципиально меньше, чем сообщалось официально. Важно другое. Если предположить, что население практически поголовно бойкотировало референдум, то для того, чтобы получить официально объявленные цифры, потребовались фальсификации колоссального масштаба. Однако на митингах протеста против такого безобразия собралось лишь несколько тысяч человек, и они затихли практически в несколько дней. Отсюда следует, что причиной неявки на референдум – каков бы ни был ее масштаб – явился не сознательный бойкот чего бы то ни было, но глобальная социально-политическая апатия, что совершенно не описывается в «революционных» терминах. И именно в силу апатии, хотя формально референдум задумывался как движение к демократии, в реальности никаких политических изменений не произошло, да и не могло произойти. Политических сил, могущих воспользоваться созданным на бумаге возможностями, просто не существует именно в силу всеобщей апатии. Социальное недовольство, существующее в народе, не имеет канала для политизации: очевидно «традиционная оппозиция» этой потребности уже не удовлетворяет.

Если же говорить не только о формальных изменениях, то 2005 г. был продолжением той тенденции, которую можно назвать нивелированием политического влияния традиционных оппозиционных групп, к тому времени

существовавших в Армении. Процесс в целом довольно естественный и рутинный. В Армении нет единой оппозиции, скорее есть оппозиционные группы, объединенные между собой только по негативному признаку: они отрицают легитимность всей нынешней политической системы, как-то парламента, президента, Конституции, вот теперь и поправок к оной. Эти оппозиционные группы являют собой некий характерный для Армении пост-революционный реликт, т.е. реликт революционной политической культуры. Имеется ввиду две революции: удавшаяся 1988-91 гг. и неудавшаяся 1996 г. Результатом столкновения политической культуры революционного типа с ее установкой на то, что целью существования оппозиции является изменение системы власти революционным путем (ввиду невозможности прихода к власти на выборах из-за фальсификаций), и слабости, не позволяющей эту революцию провести, и является эта часть политической системы Армении, роднящая ее со сходными моделями латиноамериканского типа.

Противостояние оппозиции и власти носит скорее не политический, а системный характер, что не позволяет оппозиции встраиваться в систему власти, в свою очередь отторгающей оппозицию. В результате нескольких выборных циклов бесконечные разговоры о грядущей революции также превратились в рутину предвыборных баталий в Армении. Это было очень выпукло во время и после референдума: обещалась еще одна революция, но обещания выглядели уж совсем неуверенно, было понятно, что в отличие от всех предыдущих случаев, те, кто обещает революцию, сами в нее не верят. Политическое поле Армении перестало быть местом «столкновения слабой власти и слабой оппозиции». Теперь уже можно говорить о слабой власти и отсутствии оппозиции. То есть оппозиционные группы сохранились, лидеры, партии и риторика никуда не делись, но они перестали интересовать власть совершенно, и на них перестали обращать внимание. Армения в значительной степени превратилась в почти классическую полиархию – власть перестала учитывать «классическую оппозицию» в своих расчетах, реальные линии противостояния (т.е. оппозиции) уже проходят между различными группами внутри самой власти.

Внешняя политика

В сфере внешней политики в 2005 г. в Армении также происходили интересные изменения. Строго говоря, их нельзя назвать собственно внешнеполитическими, скорее, то были изменения общественного дискурса по отношению к внешней политике. Общество – в лице прессы, оппозиционных и не оппозиционных политиков, и т.д. – ощущает те изменения, которые происходят вокруг Армении, те реальные политические сдвиги, которые начались очень давно. И почти все события, существенные в данном контексте

– это события внешние, происходившие за пределами Армении и даже не связанные с Арменией напрямую.

Этот условный год длился не двенадцать месяцев, а примерно четырнадцать. Он начался в Верхнем Ларсе осенью 2004 г. и закончился к началу 2006 г. Закрытие Россией единственного реального пограничного пункта на границе России и Грузии в Верхнем Ларсе было событием знаковым для Армении. Закрытие границы формально объяснялось борьбой с терроризмом после трагических событий в Беслане. Однако было абсолютно ясно, что события в Беслане никакого отношения к Грузии не имели, и проблемы лежали абсолютно в другой плоскости. Собственно говоря, это и не особо скрывалось в России. В данном контексте неважно, какая именно коллизия послужила причиной очередного ухудшения российско-грузинских взаимоотношений, важно, что к Армении это также не имело отношения. Было понятно, что традиционно взаимоотношения Россия-Грузия очень плохи, они ухудшались на всем протяжении 2005 г., это не было чем-то новым. Однако тут и Армения, отделенная от России Грузией, резко ощутила на себе последствия этой политики. «Закрыли дорогу грузинам, а пострадали мы. Про нас не подумали» – вот лейтмотив десятков статей, опубликованных в армянских газетах после закрытия Верхнего Ларса. Концепция «стратегического партнерства» с Россией, чьи интересы якобы всегда совпадают с армянскими, подверглась мощному удару. В прессе ситуация описывалась примерно так: наш партнер не то, чтобы хотел наказать нас, а просто нас не заметил, вообще о нас не подумал. В шквале антироссийских публикаций в армянской прессе выделялись уже не только мнения журналистов или высказывания оппозиционных политиков. Достаточно привести всего две цитаты: «то, что для России второстепенно, для нас первостепенно» – это сказал премьер-министр Армении, и «Россия ставит свои интересы выше стратегического союзничества с нами» – это слова армянского министра иностранных дел. Казалось бы, ничего крамольного в этом нет. В принципе, всем ясно, что нечто может быть второстепенным для России и при этом первостепенным для Армении. Тем более никто не ожидает от России, то она будет ставить стратегическое союзничество с Арменией превыше всех своих интересов. Однако такого рода фразы – показатель некоего изменения в общественном дискурсе. Ничего подобного прежде в Армении не говорилось, во всяком случае, устами государственных чиновников.

Следующее событие, которое тоже связано с Грузией – это решение о выводе российских войск из Грузии, реально принятое в 2005 г. Абсолютно очевидно, что вывод российских войск из Грузии принципиально меняет ситуацию на Южном Кавказе. Он окончательно обесмысливает военную составляющую пребывания российских баз в Армении, делая его исключительно символическим, и очень осложняет функционирование

этих баз (ввиду проблемности коммуникаций). Эти изменения также были замечены, на это счет было много заявлений различных политиков и статей в печати. Самыми интересными, на мой взгляд, были статьи, в которых писалось, что решение России о выводе вооружения в Армению «оскорбительно по отношению к Армении». Поступление оружия в страну, имеющую проблемы с противостоянием с соседями, видится как оскорбление!

Затем, в мае 2005 г. в речи президента Путина на встрече глав государств СНГ в Казани, в общем, довольно ясно было сказано, что СНГ уже исполнил свою роль разводного механизма, но все же по каким-то причинам распускать его не будут. Посыл был довольно прозрачен: газ теперь будет стоить дороже. Причем всем. Замячила перспектива новой российской энергетической политики.

В числе событий того же ряда можно перечислить еще и политику «Нового соседства» Европейского Союза, которая опять-таки изменяет место Армении на политической карте, и начало переговоров о вступлении Турции в ЕС. Понятно, что вступление Турции – вопрос далеко не завтрашнего дня, но даже и просто процесс переговоров, сама перспектива приближения Европы делает положение Южного Кавказа в сетке координат Россия-Запад принципиально другим.

Естественно, существует и обратная тенденция – тенденция усиления позиций России в Армении. Но вот это усиление происходит уже почти только в энергетической сфере. Россия продолжает скупать какие-то оставшиеся куски армянской энергетики, она делала это и в 2005 г., и процесс явно будет продолжен, соперников такой силы у нее просто нет.

Начинает появляться перспектива того, о чем политические лидеры Армении говорят уже десять лет как о уже состоявшемся факте. Намечается переход к комплементаризму, то есть такой ситуации, когда в экономической, политической, военной, военно-политической, культурной и иных сферах влияния различных внешних сил будут складываться в разных пропорциях. Европа, Россия, Иран, США и пр. будут влиять на Армению, не конкурируя, а разделяя сферы и типы влияния – от энергетики до безопасности, от коммуникаций до образования. Процесс этих изменений, конечно же, шел и раньше, но впервые он вышел на поверхность в Армении и стал заметен не только членам элитных групп, но и широким слоям общества. Что, кстати отнюдь не обязательно означает, что он приведет к результату. Но уже сама по себе революция в общественном дискурсе по поводу «места страны на карте» несомненно началась. Может быть и раньше, но видно это стало в 2005 г.

АЗЕРБАЙДЖАН: МЕСТО В МИРЕ И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕЦИИ РАЗВИТИЯ

Итоги развития независимого Азербайджана отличаются своей противоречивостью. Республика стала бесспорным лидером по темпам роста внутреннего валового продукта (ВВП) среди постсоветских государств. Согласно официальным данным Статистического комитета СНГ, за год объем ВВП в Азербайджане вырос на 21,8%¹. Согласно Отчету Кабинета министров Азербайджана «Об итогах деятельности правительства в 2005 году», представленному Милли Меджлису (парламенту страны) в марте 2006 г. нынешним азербайджанским премьер-министром Артуром Расизаде, показатели роста были еще более внушительными: «в 2005 году ВВП, характеризующий положение всей экономики страны, вырос по сравнению с 2004 годом на 26,4% и достиг 59,4 трлн. манатов (12, 6 млрд. долларов)»².

По данным азербайджанской статистики, в наступившем году наблюдается более чем двукратное увеличение темпов роста ВВП по сравнению с аналогичным показателем прошлого года: за январь-февраль ВВП Азербайджана вырос на 48,1%³. По мнению многих азербайджанских и международных экспертов, республика имеет на ближайшие годы очень благоприятные экономические перспективы. Согласно прогнозу экспертов Азиатского банка развития (АБР) рост валового внутреннего продукта (ВВП) Азербайджана в 2006 г. может составить 30,5%, в 2007 году – 27,3%⁴.

Вместе с тем, на фоне беспрецедентного роста ВВП и чрезвычайно благоприятной для Азербайджана экономической конъюнктуры, большинство острых социально-экономических проблем все еще остаются нерешенными. К тому же в рейтинге «Восприятие коррупции в мире», опубликованном организацией «Transparency International» по результатам 2005 г., Азербайджан занял 137-е место, то есть он имеет наихудший показатель в СНГ⁵.

Очевидно, что рекордные показатели экономического роста независимого Азербайджана достигнуты прежде всего за счет богатых сырьевых ресурсов. Республика находится в куда более выгодном и благоприятном положении по

1 Армения заняла вторую позицию, увеличив ВВП на 11,6%. Грузия с показателем 7,7% уступила Казахстану (8,8%) и Белоруссии (8,7%), но все же намного опередила все остальные постсоветские государства, включая Россию (5,7%).

2 «Ени Истиглал», 27.03.2006.

3 <http://www.day.az/news/economy/44172.html>.

4 <http://www.day.az/news/economy/45875.html>.

5 Немногим лучше ситуация в Грузии (130-е место) и России (126-е место), в Армении же ситуация намного благоприятнее: она заняла 88-е место и признана наименее коррумпированным государством СНГ. См.: «TI Annual Report 2005» // <http://transparency.org.ru>.